

Н. В. Сподарец

**НАУЧНАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА.
ПРОФЕССОР С. П. ИЛЬЁВ**

Русистика Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (бывшего Новороссийского университета) имеет давние традиции, характеризуясь при этом многоаспект-

ностью методологического и проблемного поля. Особой страницей в истории филологического факультета университета стала деятельность Степана Петровича Ильева. На кафедру русской литературы он пришел со своей темой и стремлением завершить диссертационное исследование прозы малопопулярного в 70-е годы у советского читателя Леонида Андреева, о котором в свое время Максим Горький писал, как о «самом талантливом художнике слова рубежа веков».

В кандидатской диссертации С. П. Ильева («Проза Леонида Андреева эпохи русской революции»), защищённой в 1973 году, в центре внимания — эстетические проблемы творчества писателя. Сама методика анализа, отмеченные аспекты поэтики прозы Леонида Андреева прокладывали тенденцию андрееведения к включению писателя в модернистское русло — того направления исследования творчества художника, какое академик В. А. Келдыш официально подтвердил только через два десятилетия. Впоследствии целый ряд статей Степан Петрович посвятил проблемам творчества Л. Андреева. Некоторые из них («Андреев и символисты», «Андреев и реалисты группы «Шиповник») показательны как историко-литературной, так и теоретической концепцией. Ученым разрабатывалась и методика компаративного анализа, особо актуального в современном литературоведении.

Большое значение для формирования научной позиции Степана Петровича имел период его работы с 1974 по 1977 гг. на должности доцента Института русской филологии в Польше (в Гданьском университете). И сегодня преподаватели не только этого университета, но и других европейских научных центров (Польши, Венгрии, Хорватии, Англии) очень тепло отзываются о встречах с этим незаурядным и скромным человеком, пораженным глубиной познаний, научным тактом, восхищавшим тонким юмором и абсолютной готовностью к творческому диалогу.

Командировка в Гданьск стала продуктивной в становлении Степана Петровича как ученого европейского масштаба, что проявилось по возвращении не только его широкой корреспонденцией (за что он неоднократно приглашался на «беседы» в КГБ), а утверждением авторитетной научной позиции профессионала-филолога.

Изучая тексты античности или средневековья, осмысляя в статьях феномен А. С. Пушкина, А. Ахматовой или В. Быкова, он всегда умел найти свой ракурс, свое веское научное слово, опираясь на знаменитый лотмановский тезис — «литературоведение должно быть наукой». Показательной стороной научного наследия Степана Петровича является не популяризаторство и витиеватая филологическая риторика, а информационная емкость и скрупулезное следование логике научного факта. При этом основным объектом литературоведческого анализа или интерпретации был художественный текст, понимаемый как структурная целостность, постигаемая разными способами. Такой подход открывал широкие возможности для литературоведческой герменевтики текста. Интерпретации ученого не разворачивались по одной модели, а определялись природой текста, его онтологией, в соответствии с чем и формировались аналитические стратегии. Исследуя же процесс текстообразования произведения, С. П. Ильев обращался к вопросам жанра и композиции, хронотопа, символики имени и числа, видам комического.

Степан Петрович не был теоретиком, но сознательно ориентировался на теоретико-методологические разработки, инновационные для своего время (методологию структурно-семиотической и неомифологической школ, рецептивную эстетику и др.). Закономерно, что его работы, посвященные конкретным историко-литературоведческим вопросам, теоретичны, и в этом их особая методологическая значимость.

Постоянный интерес коллег и студентов к научно-педагогической и лекторской деятельности Ильева был в определенной степени обусловлен и историко-литературным периодом Серебряного века, которым он непосредственно занимался. В 80-е — начале 90-х годов академические практики исследования литературного процесса этой эпохи часто не совпадали с оригинальными научными подходами и трактовками Степана Петровича.

Его увлеченность и самоотдача в изучении Серебряного века были столь велики, что студенты и коллеги стали свидетелями формирования некоей изоморфности культурного явления и интерпретатора. Модель такого творческого согласия нарочито заостренно выразил К. Г. Юнг, отмечая, что не только Гете

создал Фауста, а душевный комплекс Фауста создал Гете. Относительно Степана Петровича можно сказать, что сама эпоха Серебряного века во всей ее многовекторности увлекала его, была глубоко осмыслена, подчиняя все стороны бытия ученого. В постижении ее закономерностей и вырабатывались критерии, инструментарий профессиональной филологической оценки.

Известно, что в научной работе конкретность предмета, четкая заданность проблематики в определенной степени обеспечивает глубину и обстоятельность оценки. Наиболее полно научный потенциал и принципы работы ученого были раскрыты при исследовании литературного символизма. Уровень квалификации позволил ему в лекциях и научных работах представить русский символизм не только как литературный феномен, но и как культурно-философское событие европейского масштаба.

Вообще к работе в культурном и художественном пространстве символизма готов не каждый филолог. Само постижение и тем более герменевтика символистского текста как многоуровневой семантической структуры предполагает широкую философско-эстетическую подготовку, позволяющую по мере необходимости реконструировать мифологический, религиозно-философский, культурологический и другие подтексты.

Методики анализа символистского поэтического текста, положенные Степаном Петровичем в основу конкретного прочтения циклов В. Брюсова, А. Блока и др., согласуются с разработками самых авторитетных специалистов (З. Минц, Вяч. Сапогова, Б. Гаспарова, Ханса Леве). В их работах анализ символистского текста проводился с учетом как общих принципов эстетики направления, так и их модификаций в творчестве каждого поэта. Исходя из символистской концепции текста как структурно-семантического воплощения идеи «всеединства», исследователи стремились в процессе анализа конкретизировать средства и приемы, обеспечивавшие воплощение данной идеи. Нормативность эстетики символистов в какой-то степени регламентирует показатели структурного анализа, не ограничивая возможности интерпретации. Результатом творческой работы больших ученых всегда является оригинальное прочтение текстов. Так, С. П. Ильев и Б. М. Гаспаров в статьях, посвященных толкованию поэмы А. Блока «Двенадцать»,

предложили две разные модели интерпретации хрестоматийного произведения.

В статье «Числовая символика в поэме «Двенадцать» А. Блока» Степан Петрович отмечает, что «обширная критическая и научная литература, насчитывающая не одну сотню статей и монографий, не продвинула нас далеко в понимании авторского замысла и его художественного воплощения». В работах советских исследователей преобладало толкование «Двенадцати» как явления преимущественно реалистического искусства. С этим и связана настойчивая попытка многих ученых того времени оторвать поэму от символистской поэтики, «тогда как именно символический план заключает в себе всю сложность авторской концепции и все богатство содержания этого уникального произведения». Рассматривая числовую символику как составной элемент поэтической системы А. Блока, Степан Петрович преследовал цель семантической реконструкции текста. Числовая символика «Двенадцати» представлена не только как количественный, но и качественный (в данном случае — семантический) показатель связи авторского замысла с мифом о втором пришествии. В статье отмечено, что «стремясь найти нравственное оправдание революционному террору, отождествляемому с анархическим разгулом, А. Блок обратился к наиболее характерному для его эпохи нравственно-этическому символу — к образу Иисуса Христа». Неоднозначная блоковская трактовка этого образа согласуется с полисемантической природой символа. Процесс реконструкции текста предполагает концептуальную определенность, а символика числа как знака более упрощенного типа становится показательным маркером авторской точки зрения.

Статья Б. М. Гаспарова «Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» строится на выявлении балаганных, карнаваловых и кинематографических мотивов в процессе деконструкции текста, когда предложена более свободная (произвольная) его интерпретация. И Степан Петрович, и Борис Михайлович разными путями осуществили процесс «индукции смыслов», но в их работах проявляется общее требование, обязательный критерий интерпретации — извлеченные смыслы не должны противоречить концептуальной заданности текста.

Но если модель, предложенная Б. М. Гаспаровым, провоцирует актуальную литературоведческую проблему границы интерпретации, которая рискует стать произвольной, то методика Степана Петровича, построенная на минимизации субъективизма, носит универсальный характер. Это школа, через культуру которой должен пройти каждый литературовед, изучающий произведения символистов.

Методической выверенностью характеризуются статьи Степана Петровича, посвященные вопросам циклизации символистских текстов. До него проблемам поэтики циклизации посвятил ряд статей и диссертационную работу Вячеслав Александрович Сапогов — большой друг Степана Петровича, временно ушедший в 1996 году. Но Степан Петрович, умевший генерировать научные идеи, открывать для науки нетронутые пласты литературы, в статье «Концепция и композиция книги «Ночи и дни» В. Брюсова» впервые дал ее прочтение как цикла, опираясь на показатели плана содержания и плана выражения, преодолев при этом их дихотомию. Он исходил из общего принципа символистского текстообразования, когда «композиционное единство разрозненных и разножанровых произведений» подчиняется основному замыслу. Обнаруженные ученым внутрициклические связи рассматриваются как показатели скрытой структуры цикла. Мир в брюсовской прозе, т. е. мир «второй действительности», представлен в статье в аспекте характерной системы символов, творящих миф о стихийной субстанции как бесконечном универсуме».

Литературно-критическое и художественное наследие символистов, общий контекст их творчества были столь пристально изучены Степаном Петровичем, что в своих статьях он свободно вступал в научную полемику с авторитетными блоковедами (В. Орловым, А. Гореловым), стремясь дать истолкование текстов, адекватное их символической природе. Он подчеркивал, что общность эстетических принципов символистов позволяет проводить сопоставительный анализ не только произведений одного литературного рода, но обнаружить сходный культурно-символических подтекст в лирических и эпических произведениях. Эта идея положена в основу статьи «Куликовская битва как символическое событие (цикл «На поле Куликовом» А. Блока и роман «Петербург» А. Белого)», в 1991 году на-

печатанной в сборнике работ сотрудников Блоковской группы Института русской литературы АН СССР.

Осмысление поэтологической неоднородности прозы символистов привело Степана Петровича к обоснованию феномена символистского романа, разработке его типологических признаков. Этой проблеме была посвящена докторская диссертация «Поэтика русского символистского романа», успешно защищенная в 1991 году. Ее сокращенный вариант положен в основу монографии «Русский символистский роман».

Романы Ф. Сологуба, В. Брюсова и А. Белого трактуются ученым как специфические жанровые формы, исследование структуры которых проведено на нескольких композиционных уровнях: архитектоники, символизации и мифологизации. Обращено внимание на архетипические сюжеты, исследован хронотоп символистского романа, выдвинута концепция автора как интегратора всех уровней жанровой формы романа. В каждой главе работы систематизированы жанровые показатели конкретных произведений, отнесенных Степаном Петровичем к модели символистского романа. Основой их сюжетной композиции назван миф, реализующий художественную концепцию, обращенную к универсалиям бытия, онтологическим противоречиям (добру и злу, богу и дьяволу, любви и смерти). Сам же текст символистского романа трактуется как неомифологическая структура, сформированная с помощью архетипических образов, мотивов, сюжетов. Авторские миры в тексте также моделируются по мифопоэтическим канонам.

Концепция Степана Петровича стала основой для разграничения модернистских, предсимволистских и собственно символистских романов.

В целом научное наследие Степана Петровича составили две монографии, более 65 статей, многочисленные комментарии к избранным сочинениям классиков.